Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Экологический триллер по мотивам Блейка

24.11.2026.

© N. Sikorsky & Claude

Почти ровно восемь лет назад, в ноябре 2018 года, мне выпала честь и удовольствие присутствовать в Монрише на церемонии вручения литературной премии Фонда Яна Михальского. В тот вечер Ольга Токарчук получила награду за «Книги Якова» из рук Веры Михальски-Хоффманн. Оцените профессиональное чутьё членов жюри – уже в октябре следующего года Шведская академия объявила Токарчук лауреатом Нобелевской премии по литературе за 2018 год.

К тому времени польская писательница уже была хорошо известна франкоязычным читателям. В Robert Laffont вышли переведенные и на русский язык «Правек и другие времена» (*Dieu, le temps, les hommes et les anges*) и «Дом дневной, ной ночной» (*Maison de jour, maison de nuit*), в швейцарском Noir sur Blanc – «Последние истории» (*Récits ultimes*, 2007), «Бегуны» (*Les Pérégrins*, 2010) и «Книги Якоба» (*Les Livres de Jakób*, 2018). Позднее Noir sur Blanc выпустило «Диковинные истории» (*Histoires bizaroïdes*) и «Чуткого рассказчика» (*Le Tendre narrateur*), сборник, в который вошла Нобелевская лекция Токарчук (оба в 2020 году), новый перевод романа «Дом дневной, дом ночной» (2021), «Игру на разных барабанах» (*Jeu sur tambours et*

tambourins, 2023), «Эмпузион» (*Le Banquet des Empouses*, 2024) и «Е.Е.» (2025).

Еще в 2012 году в том же Noir sur Blanc вышел и роман «Веди свой плуг по костям мертвецов» (*Sur les ossements des morts*), переведённый с польского Марго Карлье. Теперь Libretto выпустило его в очень красивом коллекционном издании. Вот и приятный повод напомнить об этой странной книге тем, кто уже её читал, и подсказать её тем, кому ещё предстоит познакомиться с Яниной Душейко.

Ольга Токарчук родилась в польском Сулехове. Её отец происходил с пограничья Галиции и Подолья, мать – из Свентокшиского края. Во время учёбы на факультете психологии Варшавского университета она открыла для себя работы швейцарского психиатра Карла Густава Юнга. «Мне казалось, что Юнг соединял две важные для меня вещи: доверие к опыту и разуму и, с другой стороны, сильные внутренние прозрения, без которых жизнь было бы трудно проглотить, как кусок сухого хлеба», – вспоминала она. В нескольких её романах, близких к магическому реализму, повседневная жизнь переплетается с мифом. Феминистка, экологическая активистка (некоторое время состояла в польской Партии зеленых) и вегетарианка, писательница открыто выступает в защиту животных.

Для книги «Веди свой плуг по костям мертвецов» важен и её интерес к поэзии. Все семнадцать глав открываются цитатами из Уильяма Блейка (1757–1827), к нему восходит и название романа. Стоит напомнить, что современники порой считали английского поэта безумным, а более поздние критики заговорили о философской и мистической глубине его работ.

Обложка коллекционного издания романа Ольги Токарчук «Веди свой плуг по костям мертвецов» на французском языке. Libretto, 2026.

Мне кажется, Токарчук кое-что подарила своей героине из собственного опыта. Хотелось бы верить, что лишь кое-что, ведь уверенность, с которой Янина Душейко (в скорее украинской, чем польской фамилии русскому уху слышится «душа») берет на себя роль полномочного представителя животного мира, поначалу смешит, а потом начинает пугать.

Первой главе, «А теперь берегитесь!», предпосланы строки из блейковского «Бракосочетания Рая и Ада». В переводе Ирины Адельгейм они звучат так:

Некогда кроткий,
опасным путем
Шел праведник
Долиною смерти.

И сразу вслед за этим – первая фраза романа, которая так и просится в анекдот: «Я уже в таком возрасте и вдобавок таком состоянии, что перед сном мне непременно следует хорошенько вымыть ноги – на случай, если Ночью заберет "скорая"».

На слове «Ночью» с заглавной буквы я споткнулась. Опечатка? Потом появились Тьма, Сатурн, Косули, Кабаны, Лисы, Девы… Да, в русском переводе, как и в оригинале (в отличие от французского перевода Марго Карлье) Животные у Янины получают заглавную букву, как если бы речь шла об именах собственных, наравне с планетами и явлениями природы. Им всем ещё предстоит сыграть свою роль, а пока

на ее пороге стоит встревоженный сосед, которого Янина прозвала Матохой, принесший не благую весть: другой сосед, Большая Ступня, найден мёртвым. Янина с такой деловитостью принимается за дело, что мне невольно вспомнилась мисс Марпл Агаты Кристи. («Матоха» по-польски звучит как *Matoga*, старинное слово со значением «призрак» или «чудище».)

Янина живёт у чешской границы, в посёлке, который почти пустеет на зиму. Она ревностно присматривает за порученными ей дачными домами и временами не может дозвониться в ближний Вроцлав, потому что телефон перескакивает на чешскую сеть. (Женевцам это знакомо по «вмешивающимся» французским сетям.) У самой деревушки даже официального имени нет. Мне эта безымянность кажется уместной: и её обитателей, и здешние порядки легко представить где-нибудь ещё. Если не сказать – практически везде.

В реальной жизни я бы, пожалуй, не стала сближаться с Яниной. Она суёт нос в чужие дела, строчит жалобы и умеет быть ядовитой – на ее острый язык лучше не попадаться. Поглядев на ступни мёртвого соседа, которого она терпеть не могла, Янина заключает: «Он не мог быть Человеком. Наверное, какая-нибудь безымянная тварь, одна из тех, что – как утверждал наш Блейк, – отливают из расплавленного металла бесконечность…». Не слишком отдает человеколюбием, согласитесь. Но уже в следующем абзаце ей становится жаль Большую Ступню: может быть, его бросила мать? Может, у него было несчастное детство? За несколько строк она успевает увидеть в нём и демона, и человека с несчастной судьбой.

Мое отношение к героине романа менялось от сцены к сцене. Совершенно понятна ее ярость в ответ на бездействие полиции и на неприкрытое высокомерие Коменданта. «Мы – человеческая полиция», – объясняет он признанной всеми «чудачке». Но Янина далеко не проста. «Ледяная ирония – это броня бессилия», – замечает она. В посёлке, где охота объединяет людей с деньгами и властью, довольно скоро становится понятно, от кого приходится защищаться этой бронёй. «Для нас не существует частных территорий», – бросает один из местных богачей. Какая ёмкая формула власти! Но и Янина не остается в долгу, делясь с читателем наблюдением о том, что большие автомобили компенсируют для некоторых мужчин скромные размеры их собственных «достоинств».

Янина – не какая-то провинциальная невежа, которой легко запудрить мозги, хоть она и смотрит целыми днями один-единственный телеканал, посвященный погоде. (Не могу не процитировать ее объяснение отсутствия интереса к другим СМИ: «Газеты стараются держать нас в состоянии вечной тревоги, чтобы наши эмоции не обращались туда, где они действительно нужны».) Она учит детей английскому, цитирует «Фауста» по-немецки, переводит Блейка и почти профессионально занимается астрологией, годами собирая даты рождения и смерти, чтобы проверить, можно ли по гороскопу предсказать, когда и как умрёт человек. «Проект без евросоюзовских дотаций. Кухонный», – уточняет она. В ее «архиве» накопилось 1042 даты рождения и 999 дат смерти. «Я знаю дату собственной смерти, а потому чувствую себя свободной», – говорит Янина. «Приятно быть в чем-то абсолютно уверенной». И тут же она признается, что смотрит на расположение планет «через призму собственного страха» и повсюду видит катастрофы. Свой автомобиль «Сузуки» Янина называет Самураем, подчеркивает, что она «не католичка», а слово Бог упоминает лишь в кавычках.

Янина плохо спит, на ночь принимает хмель и валерьянку, мучается кошмарами и

постоянно жалуется на различные «недуги», причину которых не смогли установить даже в больнице. Она открыто излагает в письмах в полицию свою теорию о том, что животные мстят охотникам, но ее считают чудачкой и всерьез не воспринимают. Как тут не вспомнить криминальную хронику? Порой лишь после трагедии мы узнаем, что странности в поведении виновника замечали давно, но ни окружающие, ни полиция не придали им серьезного значения.

Янина явно начитана, по крайней мере, в интересующей ее области. Предлагая полиции всерьёз рассмотреть ее теорию, она оперирует любопытными историческими данными, ссылаясь, например, на астролога Гиммлера, предупредившего о грозившей Гитлеру опасности. Янина ссылается также и на Библию, и на старинные процессы над животными. Здесь Ольга Токарчук устами своей героини рассказывает, например, о том, что «в Базеле в 1471 году состоялся процесс против Курицы, которая несла необычно яркие яйца. Она была приговорена к смертной казни через сожжение, как подозреваемая в сношениях с дьяволом». Янину возмущает человеческая жестокость, а сам случай она приводит как прецедент: если люди когда-то считали животных способными совершить преступление, почему теперь полиция отказывается рассмотреть такую возможность? А я, заинтересовавшись базельской курицей, нашла такую интересную информацию: в записи от 4 августа 1474 года городской хронист Иоганн Кнебель прямо называет птицу латинским словом *gallus*, «петух». По его словам, петуха, снесшего яйцо, отдали палачу. О судебном процессе и обвинении в сношениях с дьяволом Кнебель ничего не пишет. Так петух или курица?

Есть в книге и другое слово, на котором стоит задержаться, – *ambona*. По-польски это и амвон, то есть церковная кафедра, и охотничья вышка. С одной произносят проповеди, с другой высматривают зверя, подманивая его кормом. Когда в местной школе на полном серьёзе представляют святого Губерта, покровителя охотников, как пример для современных экологов, а ксёндз объясняет, что, отстреливая животных, охотники проводят правильную охотничью политику, мне слышится уже не ирония даже, а сатира. И тут я вспоминаю, как Янина говорит о своём бесконечном трауре по каждому мёртвому животному. Полицейский замечает, что животных ей жаль больше, чем людей. «Неправда», – отвечает она. Жалко ей и тех и других. «Однако по беззащитным людям никто не стреляет. По крайней мере пока».

Янину нельзя обвинить в равнодушии, ни одно событие не обходится без ее бурной реакции, которую она сама часто определяет как «гнев праведный». Даже собственное имя её возмущает. Она терпеть не может, когда к ней обращаются «пани Янина», и примеряет на себя другие имена – Эмилия, Иоанна. Норвежская исследовательница Эллен Мортенсен в своем разборе романа угадывает в них двух воительниц, Эмилию Платер и Жанну д’Арк. Национальная героиня Франции в представлении не нуждается, но, возможно, не все знают, что Эмилия Платер, одна из героинь польского восстания 1830–1831 годов против Российской империи, воспета в «Смерти полковника» Адама Мицкевича. То же восстание вызвало и совсем другую поэтическую реакцию. Пушкин написал «Клеветникам России», обращаясь к французским депутатам и публицистам, которые поддерживали восставших и призывали к вмешательству в военные действия. Именно за это стихотворение великого русского поэта сейчас клеймят все, кому не лень, обвиняя его в поддержке империалистической политики России. (Так возник «русский акцент», который я тщетно искала в книге Ольге Токарчук.)

А к Достоевскому меня привела Ирина Адельгейм, российский литературовед и переводчица романа. В интереснейшей статье «Этика и прагматика свободы: автор, герой, читатель (Ольга Токарчук и Янина Душейко)», опубликованной в 2024 году в журнале «Центральноевропейские исследования», она, в частности, пишет, что в повествовании Токарчук «можно усмотреть некую ироническую аллюзию на Достоевского». Адельгейм имеет в виду то, как идея и собственное понимание свободы воли всё больше подчиняют себе Янину Душейко. И тут же отмечает «демонстративную наивность многих высказываний Янины», в которой проступает ее трагикомизм. Пожалуй, именно так и менялось моё отношение к героине: сначала она казалась мне комичной, потом трагикомичной и, наконец, трагичной. «Следует говорить людям, что́ они должны думать. Я не могу поступить иначе. В противном случае это сделает кто-нибудь другой». В этой фразе Янины меня пугает убеждённость, с которой она берёт на себя право решать за других. На этом пути она готова зайти далеко, и в этом, на мой взгляд, основной нравственный вопрос книги: насколько далеко можно заходить, руководствуясь собственным пониманием справедливости? В какой момент «гнев праведный» начинает вести к неправедным поступкам?

Впрочем, в романе есть место и юмору. Правда, черному. За ужином, обсуждая смерть очередного персонажа, энтомолог Борос Шнайдер объясняет, что обнаруженное тело, судя по плесени, находилось на стадии маслянокислого брожения. «Мы как раз ели макароны с соусом из сыра с плесенью», – невозмутимо добавляет Янина. Сцена, по-моему, почти вампирская, нет? Аппетит точно пропадает.

… Я люблю детективы, но почти до конца пятнадцатой главы не представляла себе, чем дело кончится. И далеко не уверена, что все читатели примут развязку. Но чем более различны окажутся наши мнения, тем интереснее будет их сравнить! А в том, что прочитать книгу стоит, нет никакого сомнения – слишком о многом она заставляет задуматься.

Ольга Токарчук
современная польская литература
Премия Яна Михальского
Нобелевская премия по литературе
Уильям Блейк

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/tokarchuk-vedi-svoy-plug-po-kostyam-mertvetsov